

К ПРОБЛЕМЕ КОНФЛИКТА ЛИЧНОСТИ, КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА (К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. Л. ФРАНКА)

ON THE PROBLEM OF CONFLICT OF PERSONALITY, CULTURE AND SOCIETY (TO THE 130TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF SL FRANK)

V. Kurguzov

Summary. In article are analyzed cultures — philosophical and culturological views of the Russian philosopher of the end of the XIX first half of the 20th centuries S. L. Frank on problems of the conflict of the personality, culture and society which over the years haven't lost the relevance in global space of the modern world at all. This problem has acquired special relevance in social space of modern Russia enduring the next reformational period of the history. The conflicts in today's Russia are characteristic of all parties of activity of the Russian society and the dominating their space just and the conflicts between the personality, culture and society, a problem to which S. Frank has paid in the scientific heritage special attention are.

Keywords: Culture, personality, society, conflict, philosophy, ideal, democracy, creativity.

Кургuzов Владимир Лукич

Доктор культурологии, профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
vlgurguzov@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируются культур-философские и культурологические воззрения российского философа конца XIX первой половины XX вв. С. Л. Франка на проблемы конфликта личности, культуры и общества, которые с годами ничуть не потеряли свою актуальность в глобальном пространстве современного мира. Особую актуальность эта проблема приобрела в социальном пространстве современной России, переживающей очередной реформационный период своей истории. Конфликты в сегодняшней России характерны для всех сторон жизнедеятельности российского общества и доминирующим их пространством как раз и являются конфликты между личностью, культурой и обществом, проблемой, которой С. Франк уделил в своем научном наследии особое внимание.

Ключевые слова: Культура, личность, общество, конфликт, философия, идеал, демократия, творчество.

Имя Семена Людвиговича Франка, сегодня если и упоминается в культур-философских трудах, то почти не упоминается в трудах большей части отечественных культурологов. К такому выводу приходишь, читая статьи, материалы многочисленных научных конференций, симпозиумов и конгрессов, а также, рецензируя в качестве председателя Диссертационного совета диссертации, посвященные различным проблемам культурологии, чем и занимается автор статьи на протяжении уже 15 лет. Одна из причин такого положения, наверное, заключается в том, что до последнего десятилетия XX века труды этого философа, опубликованные при жизни в периодических изданиях стали библиографической редкостью и были практически недоступны не только для массового читателя, но и для российских аналитиков.

Все дело в том, что С. Франк был «пассажиrom» известного парохода, который вывез в 1922 году цвет русской науки, десятки профессоров российских университетов за границу, так как, с точки зрения новой власти, они являли собой угрозу ее сохранения. В итоге мы добровольно существенно обогатили научный потенциал Европы и Америки, а свою страну лишили значительного объема интеллектуального капитала.

Правда, европейцы, тем более американцы забыли нас поблагодарить за этот «подарок» и сегодня уверенно называют труды российских мыслителей, написанных в Европе и Америке, своим культурным наследием, своим национальным достоянием. И, все же, несмотря ни на что, можно с полной уверенностью утверждать, что жизненный и философский путь С. Л. Франка был неразрывно связан с историей России конца XIX — первой половины XX веков.

Вехи биографии Франка весьма примечательны. Родился будущий философ в Москве в еврейской семье 28 января 1877 года. Будучи сыном врача и внуком религиозно настроенного деда по матери, он был воспитан в духе православия на «ветхозаветной основе», но, рано потеряв отца и испытав сильное влияние отца-революционера, уже в юношеском возрасте стал социал-демократом.

Годы учебы протекали попеременно в Москве и Нижнем Новгороде, куда переехала семья — в московском лицее лазаревского института восточных языков, нижегородской классической гимназии, юридическом факультете Московского университета. Затем Франк слушал лекции по политэкономии и философии в Германии. При поддержке русского либерала

П. Б. Струве выпустил в 1900 году первую свою книгу «Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд».

Как отмечают современные исследователи его научного наследия А. А. Гапоненков и Ю. П. Сенокосов, «... предреволюционные годы Франк провел в Санкт-Петербурге, читая лекции в университете и частных учебных заведениях. Затем он переезжает в Саратов, где обосновал кафедру философии в местном университете. В начале 20-х годов прошлого века Франк переезжает в Москву, где становится деканом Академии духовной культуры и профессором Московского университета». [3, с. 5–6] Арест и насильственная высылка Франка в Германию пришлось на август 1922 года. [См.: 14, с. 519].

Обосновавшись в Берлине, он читал лекции в Русском научно-институте на русском языке, а с 1931 года — в Берлинском университете на немецком. В это время он плодотворно работает, выпуская свои книги: «Живое знание», «Крушение миров», «Смысл жизни», «Духовные основы общества». В Германии он стал свидетелем восхождения Гитлера во власть. Именно это обстоятельство вынудило его покинуть Германию и переехать во Францию. В Париже вышла и главная книга философа «Непостижимое» (1939 г.).

Однако, война, настигнувшая Францию, сдача Парижа гитлеровцам, заставила Франка и его жену скрываться от гестапо в Гренобльских горах. «Необычная по интенсивности духовная работа под постоянной угрозой ареста, как отмечают его биографы, — принесла свои плоды: в это время ведутся дневниковые записи: «Мысли в страшные дни» и вынашиваются изданные после войны книги «С нами Бог» (1946 г.) и «Свет во тьме» (1949 г.). Этими трудами, включая посмертно изданную в 1956 году работу «Реальность и человек», Франк практически завершил создание собственной философии. Он скончался в Лондоне 10 декабря 1950 года». [См.: 3, с. 9].

Советские и многие современные российские философы ошибочно представляют С. Франка религиозным философом. Между тем, он им никогда не был, о чем свидетельствуют его же признания. В своих трудах он неоднократно подчеркивал это. Так, в книге «Свет во тьме», напоминающий лишь по форме богословский трактат, он пишет: «Я боюсь и не хочу быть богословом — не только потому, что по своему образованию и духовному складу я не богослов, а свободный философ, но и потому что не могу преодолеть ощущения, что всякому отвлеченному догматическому богословию присуща опасность какого-то греховного суесловия. По глубокому истинно религиозному заме-

чанию Гёте, — подчеркивает Франк — «о Боге можно, собственно, говорить только с Богом. [15, с. 10]. Именно философия вообще и философия культуры, в частности, была для Франка жизненным призванием, которое он, на наш взгляд, успешно реализовал.

Даже православный философ, протоирей В. В. Зеньковский, восторгаясь С. Л. Франком, назвал его «весьма выдающимся русским философом вообще». [4, с. 158]. А по признанию известного философа С. А. Левицкого, во Франке, «сильна была... стихия чистой философии... в своих капитальных трудах он полон пафоса системности. Во Франке была классическая строгость мысли и метода, склонность проводить тончайшие умозрительные различия. Франк не так волнует нас, как Бердяев, не так возносит к богословским высотам, как Булгаков, он скорее погружает нас в ясные глубины своей мысли». [11, с. 98].

Хотя, на наш взгляд, есть все же некоторые основания причислять Франка и к философам религиозного толка, ибо «...религиозные идеи Франка столь тесно переплетаются с его философским умозаключением, что сам он, сознавая это, допускал порой, что его работы страдают, возможно, некоторой неопределенностью». [3, с. 10]. Вот что он сам пишет по этому поводу в своем письме к немецкому философу Л. Бинсвангеру: «Любого, даже самого благожелательного читателя моих работ не может, видимо, не смутить двойственность чисто философского и религиозного во мне — ведь и в самом деле эту двойственность я до сих пор еще полностью не преодолел...». [16, с. 343].

Исходя из вышеизложенной, хотя и пространной преамбулы, становится понятным интерес автора статьи к культур-философскому и культурологическому вектору творчества С. Франка и в этой связи стоит всячески приветствовать издание в России в 2001 году его книги «Непрочитанное... статьи, письма, воспоминания». Именно на этот труд автор намерен сослаться по ходу своих рассуждений, посвященных фундаментальной, из века в век актуальной научной триаде конфликта Культуры, Личности и Общества. [См.: 3].

В одной из своих первых монографий «Гуманитарная культура (теоретическое обоснование феномена...» я уже отмечал что «Мир уже накануне третьего тысячелетия оказался перед лицом глобальных проблем и острейших противоречий общественного развития, экономического, экологического, энергетического кризисов, нарастания социальных и национальных конфликтов». [9, с. 5]. На индивидуальном уровне это проявляется в том, что в структуре личности начинают преобладать прагматизм и духовное оскудение, господство антигуманных качеств и антинаучных предрассуд-

ков. Не случайно же, по мнению одного из известных гуманистов XX века А. Швейцера, «... море несправедливости, насилия и лжи, захлестнувшее ныне все человечество... с невероятной жестокостью превращает современного человека в несвободное, несамостоятельное существо». [19, с. 24].

Постепенно растущие в мире кризисные явления, насилие и деструктивность не могли не привлечь к себе внимание специалистов к теоретическому исследованию сущности и причин конфликтов самых различных видов и типов — социальных, межнациональных, межличностных, межгосударственных, но, главным образом, конфликтов **культурных**. Сегодняшняя международная обстановка, к сожалению, еще в большей степени подтверждает этот вывод.

С другой стороны, все это не могло не породить многочисленность подходов научного знания к природе конфликтов, возможность прописать его социогуманитарную проблематику в качестве органической составляющей предметной области теории культуры. И это закономерно, так как по фундаментальности явления, по значению и роли конфликта в развитии общества и многим другим основаниям конфликт и культура тесно корреспондируют друг с другом, взаимно обогащая и дополняя содержательные особенности каждого.

Однако уже к концу XX столетия стало совершенно очевидно, что человечество охвачено острым гносеологическим кризисом, наши, традиционно полученные знания, не позволяют учитывать фундаментальные связи между явлениями, тем более предвосхитить последствия их воздействия на человека и общество. «Современная наука, как считает академик С. Гальперин, выявляет свою полную беспомощность в попытках построить целостную картину мира. Технические знания дали человеку обещанную силу, но она оказалась скорее разрушительной, чем созидательной». [2].

Важнейшим актуализирующим фактором изучения конфликтов является то, что они возникают практически во всех сферах культуры, всех без исключения областях общественной жизни. В этой связи вполне оправданным выглядит вывод бывшей моей аспирантки, а ныне — кандидата культурологии И. А. Изюрьевой, которая в своей монографии «Культурный конфликт в художественном творчестве» подчеркивает: «Изучение специфики конфликтов и способов выхода из них актуально еще и потому, что формы и способы их проявления могут быть самыми разнообразными, начиная от определенного психического состояния индивида до мировой войны». [5, с. 3].

Наверное, далеко неслучайно и то, что в западном обществоведении возникла даже концепция рассматривать буквально все проявления общественной жизни как результаты различного рода конфликтов, и, главным образом конфликтов между **обществом, личностью и культурой**.

Посмотрим теперь глазами С. Франка на природу конфликта, прежде всего, на то, что составляет «душу народа» — на нашу литературу и общественную мысль. «Нетрудно заметить, — подчеркивал он, — что идея культуры не занимает в ней подобающего места. У нас были и есть сильные течения, прямо и сознательно отрицающие эту идею, толстовство и народничество. Политические радикалы в принципе не отрекаются от культуры, а среди них «марксисты» даже кладут в основу своего мировоззрения идею развития **материальной культуры**, прогрессисты всех оттенков озабочены просвещением народа. Но всюду — идет ли речь о культуре материальной или культуре духовной — преобладает утилитарное понимание культуры. А утилитарная оценка культуры, — продолжает Франк, — есть, собственно, отрицание ее самостоятельной, объективной ценности. Мысль о значении культурного прогресса, идеал духовного совершенствования, развития науки, искусства... ради них самих, — можно сказать, чужды или почти чужды русскому самосознанию». Так писал С. Франк в «Очерках философии культуры», опубликованных совместно со Струве в журнале «Полярная звезда» под № 2 и 3 за 1905 год. [См.: 17, с. 40].

Кто рискнет сказать, что эта мысль Франка не является убедительной констатацией причин зарождения и развития конфликтов между личностью, обществом и культурой? Кто осмелится сказать, что она не актуальна, например, для сегодняшней России? Отрицание ценности культуры, как следствие, добавим мы, остается и до сих пор. Об этом убедительно свидетельствует хотя бы объем финансирования отрасли культуры в стране — 0,7 процента бюджета говорит сам за себя.

С другой стороны. Удивительное дело, все жалуются на недостаток денег на культуру, но почему-то никто не жалуется на нехватку ума, знаний, образования, предприимчивости, терпимости, на конец... Умения не биться на смерть, а просто честно, грамотно работать. Поэтому, наверное, и денег нет, что ума-разума не хватает.

Приведу короткий диалог с одной женщиной, ответственным работником Министерства культуры Бурятии, которую я убеждал несколько лет назад в том, чтобы она проявила желание изучить проблему сохра-

нения и использования культурного наследия народов региона и защитить на этом материале диссертацию на соискание ученой степени кандидата культурологии. К сожалению, все мои убеждения оказались безрезультатны. Поверхностно изучив несколько популярных культурологических трудов, она бросила эту затею, ибо флирт с наукой еще никогда и никому ничего полезного не дал. После этого у нас с ней состоялся такой диалог:

- Вы верите в Бога? — спрашиваю ее.
- Да, конечно, я верю в Бога.
- А в знания верите? В человеческие знания, научные?
- В общем-то, да. Без знаний никуда. Сейчас без них не прожить.
- А что важнее, как вы думаете, вера или знания?
- Вера, конечно.
- А как же знания?
- Без знаний еще можно прожить

Все. Как говорят деятели театра: «Занавес» и бессрочный антракт... Культурный конфликт между знанием и верой столь типичный для сегодняшнего времени. Невежество, как говорится, наш фатальный рок. Между тем, деньги на культуру, пусть и небольшие, есть. Нет, умения грамотно ими распорядиться. Половину из них разворуют по коридорам власти, а в конце года... виноватых нет. Хотели как лучше...

Почему на экранах телевизоров одни и те же сюжеты? Почему людей заставляют насильно смотреть в замочную скважину и наблюдать интимную жизнь других людей? Почему на экране идут бесконечные «дурдомы 1», «дурдомы 2» и так до бесконечности. Это стыдно и неприлично. Наука России, где ты? Получается, что в современной России реально существуют только политики, со своими воззрениями и больше нет никого. Причем состав играющей команды не меняется. Он непоколебим и неистребим, как новое природное явление. Но, ведь политика, как и искусства со всеми потрохами продукты культуры. Создали деятели культуры и искусства великолепный телевизионный канал «Культура», а ответить на вопрос: «Что же показывают по другим каналам?» не могут даже сами создатели... Культурный (точнее сказать — культурологический) конфликт очевиден и от него, как говорится, «не спрячется, не скрывается...».

На мой взгляд, правительство современной России не слышит ни голоса пророков из народа, ни, тем более, голоса ученых-культурологов о том, что сегодняшний бюджет на культуру откровенно нищенский. Такой бюджет на нужды культуры — второй после природы формы бытия человека — был, есть и будет детерминирующим фактом конфликта между государством,

обществом и рядовым человеком, который по вине государства не получает тот объем духовной пищи, который необходим для современного человека, созидателя всех ценностей на земле.

Что можно сделать на эти деньги в объеме менее одного процента бюджета страны? Закрыть в так называемых «неперспективных» селах последние библиотеки и клубы, которые по приказу все того же Министерства культуры России уже давно переданы на местные бюджеты. А денег в этих бюджетах по русской поговорке: «вошь на аркане и блоха на цепи». Вот и думает глава сельской администрации: куда лучше передать эти деньги: починить единственный мост, по которому добираться в село автолавка или «скорая помощь» или закрыть библиотеку? Вопрос риторический: конечно библиотеку. Но закрытие сельского клуба или библиотеки, открывает для молодежи, как это и происходит не только у нас в Бурятии, где живет автор статьи, но и в других регионах России, путь на конопляное поле, на котором все бесplatно.

Между тем, уже во второй половине XX века наркомания перестала быть болезнью личности. Она превратилась в болезнь человеческого рода, в духовный СПИД цивилизации и химическую компенсацию потери чувства жизни.

*Не дивитесь, так и надо,
В годы разума и книг
Есть еще одна отрада
Быть безумным хоть на миг.*

Так писал еще в начале прошлого века И. Приблудный, крестьянский поэт, друг С. Есенина. [Цит. по: 8, с. 13]. К сожалению, действительность подтверждает это пророчество...

Такой бюджет есть, скорее, удушение национальной культуры, между прочим, второй после природы формы бытия человека, без которых человечество вымрет в считанные минуты, ибо жить без солнечной энергии, воды и воздуха (даров природы) нельзя, но, ведь, и без одежды, жилища, орудий труда, духовности, как артефактов культуры выжить тоже не представляется возможным. А посему, автор статьи убежден, что всем членам современного правительства России, особенно органов культуры на местах давно пора пройти культурологический «ликбез», чтобы не только рассудком, но и сердцем понять, что такое культура, как форма бытия человека. На ней не экономить надо путем закрытия сельских клубов и библиотек и выдавая их работникам нищенскую зарплату, а всячески поддерживать эту сферу.

Давно пора вывести ее из «подвала» бюджета страны. И, ради соответствия действительности, переименовать министерство культуры России и его органов на местах в Министерство искусства, ибо этот орган руководит только тем, что радует глаз и ухо. Ни в одном регионе России вы не встретите в органах культуры таких, например, отделов, как экономической, промышленной, деловой, гендерной культур, культуры детства, здоровья и т.д. Нет таких отделов. Там решаются вопросы только «под музыку Вивальди, под славный клавесин»... Это отрасль управления прекрасным, а социальной грязью эти органы заниматься не хотят. Может быть и денег, на отсутствие которых всегда жалуются работники сферы управления культурой нет по этой причине?

Впрочем, такое отношение к культуре было всегда. Голоса пророков и прошлых лет о значимости культуры никто не хотел слушать. Русский философ и государственный деятель П.Я. Чаадаев, например, пророчествовал о культуре в пустыне николаевской эпохи XIX века. «Однако не только правительство, — как подчеркивает Франк — объявило его сумасшедшим — и для своих современников он остался одиноким чудаком. Но и мы, потомки, с любовью вспоминаящие об этом глубококом мыслителе-страдальце, — многие ли из нас понимают, как своевременно и актуально до сих пор существо мысли Чаадаева, независимо от парадоксальных и субъективных деталей их содержания?». [17, с. 40].

После Чаадаева другой, еще более великий писатель, один из гениальнейших людей России, — Тургенев — всемерно защищал идею самоценности культуры и цивилизации. Однако Тургенев, по мнению Франка, признанный раз и навсегда как «...гордость русской литературы, в своем культурно-философском мировоззрении был сбит и оттиснут на обочину волной народническо-нигилистического движения 60-х годов XIX века, которую он же сам первый подметил и обрисовал в своем романе «Отцы и дети». Его Базарова, отрицавшего широкое понятие культуры, но признававшего, по крайней мере научное просвещение или его частицу — естествознание, сменили народники, потерявшие всякий вкус к науке». [17, с. 41] Народников сменило толстовство, в угоду морали отрекшееся и от науки, и от политики. С тех пор еще много новых общественных волн набегало и разбивалось, но их культурно-философское содержание держалось все — же в круге духовных привычек и симпатий, сложившихся в пору нигилизма.

Однако может быть, наиболее трагическое крушение, конфликт между культурой и обществом, с точки зрения С. Франка, культура потерпела в духовной эволюции величайшего русского мыслителя А.И. Герцена, который «...отрекался от культуры, стыдился ее и под-

час был готов менять цивилизацию, науку, искусство свободу на маленький наивный мирок мужика — общинника». [17, с. 41].

С нашей точки зрения, трудно переоценить столь актуальный даже для современной России вывод С. Франка о том, что: «Отрицательное отношение к идее культуры есть столь же глубокая и типичная черта нашей национальной идеологии, мирозерцания, господствующего в интеллигенции, и ею выработанного, столь характерно в практической жизни нашего общества его психологическое влечение к культуре и почтение к ней». «Откуда этот разлад?», задается вопросом он. «Какие моральные побуждения заставляют интеллигента единственного носителя культуры в русском обществе, быть равнодушным к ее идее и даже бороться с ней?». [17, с. 41].

Чтобы ответить на этот вопрос, обнажающий конфликтную ситуацию между культурой и обществом мы должны четко и ясно ответить на другой, более сложный вопрос: **а что такое культура вообще?**

Как известно, на сегодняшний день культурологи насчитали более 2,5 тысяч определений этого феномена. [См.:13, с. 15]. Рискну заметить, да сформулируйте еще хоть тысячу ее дефиниций — к сущности этого феномена мы все равно не приблизимся. Есть системы такой сложности, которые не определяются по природе. Например, нет же окончательного определения человека. Определения, конечно, есть, но они крайне абстрактны, как в Библии: «Тайна сия есть» — вот и все понятие человека. На самом деле никакое определение не может уловить миллионы мгновений в сущности живого человека.

Один журналист второпях написал: «Физиологию человека отлично изучили врачи» Не стану спорить, но, врачи-патолого-анатомы, например, дадут исчерпывающее определение только труп, а не человеку. Живой же человек — сложнейшая система с многочисленными химическими, биологическими, физическими, психологическими процессами, а посему в науке до сих пор и нет исчерпывающего определения человека, ибо мы не в силах сказать: «Остановись мгновение я тебя по — изучаю» Нечто подобное происходит и с определением важнейшей после Природы формы бытия человека — Культурой.

В этой связи бесспорен вывод Франка о том, что «... как невозможно определить жизнь, но всякий ясно понимает, боле того, чувствует, что такое жизнь также бесполезно гоняться за точным определением культуры, в то же время, несомненно, что культура не пустой звук и не призрак». [17, с. 43]. Мне глубоко импонирует подход Франка к определению сущности культуры, пробле-

мы с которым были даже у Маркса. Под культурой, как известно, К. Маркс понимал **совокупность материальных благ, созданных человеком в процессе исторического развития**.

В своих статьях я уже писал о «нестыковках» этой дефиниции, объясняя эти «нестыковки» тем, что культуру нельзя понимать исключительно, как «благо». В культуре много таких ужасных вещей, (одна атомная бомба, как артефакт культуры чего стоит) о которых и говорить-то не хочется. Не устраивает меня и противопоставление в словосочетании «материальных и духовных благ». В сущности, все артефакты культуры в первичном выражении всегда духовны, ибо зарождаются первоначально в чьей-то конкретной голове в виде воображения (проекта) а, уж, затем приобретают свое материальное воплощение.

Франк обнаруживает свой подход к этой проблеме. В частности, он заключает, что «...**культура не пустой звук и не призрак. Культура есть совокупность абсолютных ценностей, созданных и создаваемых человечеством и составляющих его духовно-общественное бытие**. [17, с. 43]. Хотя, если хорошо подумать и эта дефиниция порождает непростые вопросы. Что значит «абсолютные ценности»? Кто определяет их «абсолют»? Все та же культура, феномен которой мы так и не можем определить? Не напоминает ли это всем известную сказку про «белого бычка»?». Разве ценности понятие равнозначное? У гуманиста ценности одни, у человеконенавистника — совсем другие. Наличие конфликта здесь — бесспорно...

Вот почему возникает проблема уточнения: что же понимать под ценностями? Немецкий исследователь Пол Куртц, например, определяет ценность, «как предмет или цель какого-либо интереса, желания или потребности человеческого существа». (Цит. по: б, с 48). А, во-вторых, ценности понятие далеко не однозначное.

Есть ценности **экзистенциальные** (жизнь, человечность, гуманизм, смерть, любовь, секс, чадозачатие, семья, воспитание детей, свобода, труд, отдых и др.). Есть ценности **юридические, нравственные**, ценности **познания**, А, есть и **квазиценности**, например, ценности паранормального. Не следует забывать, что есть и **антиценности**: жадность, паразитизм, подозрительность, враждебность, агрессивность, насилие, убийство, терроризм, война, геноцид, биоцид, экоцид, обман, дезинформация, манипулирование, наркомания, алкоголизм, Но и это еще не все. Мне кажется, что опасаться надо так называемых **нейтральных** ценностей, таких, например, как **воля** и **образование** человека. Кто же знает, на какие свершения направит он эти свои качества — на Добро или Зло?

В связи с этим, бесспорным, на мой взгляд, является вывод Франка о том, что можно отвергать то или иное отдельное явление, почитаемое в данное время продуктом культуры; можно отбрасывать, как несостоятельные целые сферы и целые эпохи культурной жизни; можно отрицать религию во имя науки, или науку во имя религии, политическую жизнь — ради морального совершенствования, и мораль — ради успешности политического творчества. И это не только можно: отрицание и неверие, разрушение и борьба столь же необходимы в культурном творчестве, как вера и созидание, ибо это творчество движется путем непрерывных трений и столкновений между культурными силами и течениями. Но нельзя иначе, как по недоразумению и непониманию, отрицать культуру, как целое, ибо она есть тот великий и неистощимый запас духовных возможностей, из которого каждый черпает, что ему нужно, и который, каждый пополняет тем, что есть истинного и вечного в его индивидуальном своеобразии. [См.: 17, с. 43–44].

Сближает позиции К. Маркса и С. Франка то, что оба они являлись (хотя и в разной степени) не только критиками капитализма самого по себе, но и всей предшествующей цивилизации. При этом, Маркс, например, никогда не отрицал цивилизирующую роль капитала. Однако, как Маркс, так и Франк неоднократно подчеркивали, что помимо истории **цивилизации** есть еще и история **культуры**. Оба они были убеждены, что эти две истории почему-то до сих пор плохо стыковались друг с другом, а, нередко и оказывались во взаимоотношениях. При этом на этапе капитализма эта нестыковка — **конфликт** между цивилизацией и культурой — становится все более очевидным, чем на всех предыдущих этапах истории.

Однако все же ни Франк, а Маркс был одним из первых в истории новоевропейской мысли, кто попытался раскрыть суть и смысл данного конфликта и его историко-материалистическая теория завершается утверждением решающей роли **культуры** в истории человечества, в процессе его освобождения от всех форм социального отчуждения, в переходе к такому типу общественного развития, которое базируется на индивидуальной свободе и личной самореализации каждого человека. [См.:12, с. 5 и с. 9].

Вместе с тем, если Маркс был поборником, как материальной, так и духовной культуры, точнее сказать их совокупности, но при этом приоритет, все же, отдавал культуре **материальной**, то Франк усмотрел перманентный конфликт между материальной и духовной сущностью культуры и приоритетным началом считал, наоборот, культуру **духовную**. Вот что он пишет по этому поводу:

«...железные дороги, телеграфы и телефоны, вообще вся техника, будучи порождением научной культуры и содействуя развитию культуры, сама по себе не есть культура. Лишь в самом широком и элементарном смысле, с этимологическим значением слова «культура», можно говорить о культуре материальной. Подобно истинной духовной культуре, она есть также продукт усилий труда, созидательной воли человечества, завоевание и приобретение неустанно движущегося вперед человеческого разума. Не будучи культурой в истинном смысле, она, однако, отмечена ее печатью; это ее символическая и реальная близость к культуре духовной, равно как услуги, оказываемые ею развитию последней распространяет на нее психологически то уважение, которые мы питаем к цивилизации и просвещению». [17, с. 45].

Далее Франк поясняет, что все это не означает смешения культуры духовной с культурой материальной, подчеркивает утилитарное, вспомогательное значение так называемой «материальной культуры». Пишет о том, что весьма часто случается, что вся европейская жизнь отмечена этой чертой, — что «...увлечение технической, внешней стороной культуры отвлекает внимание от тех абсолютных самодавящих идеалов, воплощение которых образует истинную культуру».

Такое увлечение накладывает на душу современного европейца печать утилитаризма и «практичности», несовместимую с пониманием идеального, анти — утилитарного духа культуры. Культура в себе самой носит свою ценность. Поэтому все от культуры, будучи самым нужным для человека, в известном смысле отличается полной ненужностью. Практическим людям, — заключает Франк, — не нужна ни религия, ни искусство, ни мораль, ни наука в высшем ее значении; культурным людям в смысле Щедрина не нужна и чужда культура». [17, с. 45]. И в самом деле, для того чтобы заказать сегодня платье в парижском салоне моды, добавим мы, не нужно никакой культуры — были бы деньги...

Между тем Франк гениально предвосхитил то, что если практическая ненужность культуры порождает ей врага в лице **утилитаризма**, то ее многообразие и богатство, ее широта и универсальность заставляют восстать против нее другое моральное направление — **аскетизм**. «Утилитаризм, — с точки зрения Франка, — отвергает культуру, так как не признает вообще никаких абсолютных ценностей, выводя все ценности из практической пользы, из низших субъективных потребностей; аскетизм отвергает культуру, так как признает только одну абсолютную ценность — моральную — и считает все остальные ценности призраками и порождениями сатаны». [17, с. 46].

И здесь, как мы видим наличие конфликта в двух векторах развития социума, налицо. «Утилитаризм и аскетизм, подчеркивает Франк, — сплелись в сознании русского интеллигента в одно логически неуклюжее, но психологически стройное и цельное мировоззрение, и жало этого мировоззрения направлено, прежде всего, против культуры, против признания самодавящей ценности духовных идеалов, воплощаемых в исторической жизни». [17, с. 46].

В свое время, разрабатывая теорию гуманитарной культуры в докторской диссертации, автор статьи должен был доказать, что основой этой культуры является немеркнущие ценности **гуманизма**. И я получил тогда весомое подкрепление своим прошлым выводам в убедительных аргументах С. Франка. «Мы, верующие в культуру, — пишет он, — усматривающие в науке, искусстве, религии, морали и политике одну общую великую сокровищницу человечества, которую надо беречь и пополнять, а не разрушать и отвергать, не могущие допустить, чтобы идеал состоял не в духовном богатстве, а в духовной бедности — мы противопоставляем этому традиционному русскому нигилизму идею **гуманизма**. Под гуманизмом мы понимаем, — заключает он, — идеализм, веру в абсолютные ценности, соединенную с верой в человечество и его творческие задачи на земле». [17, с. 47].

При этом Франк, к сожалению, не уточняет, какому гуманизму он отдает свое предпочтение? Ведь гуманизм далеко не однороден. Есть гуманизм религиозный, есть гуманизм светский, натуралистический, экзистенциальный и др. Однако, косвенно, можно предположить, что он отдает свое предпочтение все-таки, гуманизму **религиозному**. Мы же в своих исследованиях предпочитаем обращаться к ценностям гуманизма **секулярного** (светского). Ну, хотя бы потому, что религиозный гуманизм, на наш взгляд, непоследователен, вторичен, ибо, в его основе всегда лежат, прежде всего, идея любви к Богу, а уж потом к человеку, что собственно говоря, видно из приведенной выше цитаты.

Правда, ниже Франк подчеркивает, что хотя: «Культуре принадлежит религиозное упоение, которое ощущает Бога в биении своего сердца и видит его в небесах. Но в культуру на равных правах входит и безбожье непокорной, во всем сомневающейся, все подрывающей человеческой мысли». [17, с. 48]. С этим выводом Франка трудно не согласиться.

Как было уже отмечено выше, культура несет сама в себе свою ценность. Но это вовсе не означает, что культура есть самоценность, ценность сама для себя. Культура есть содержание **личности** и потому служит

ей и только ей. Иными словами, рядом с культурой всегда стоит личность. Разумеется, выражение «рядом с культурой всегда стоит личность» неточно, ибо культура существует не вне людей, а в людях. Однако, каждая личность, рождаясь в данной культуре и живя ею, все-таки противостоит ей. Иными словами, личность, хотя и создает культуру, но обречена при этом порождать **конфликт** с ней, ибо, с нашей точки зрения, создавая что-то, мы отрицаем ценности культуры прошлой и утверждаем ценности новой. Блестящим подтверждением этой мысли является всем известный конфликт отцов и детей, который всегда был, есть и всегда будет...

«Все идеалы, без различия их содержания,— утверждает Франк,— суть свободные творения личности. Личность создает науку, искусство, мораль, даже в религии, где личность часто отрицает самое себя, склоняясь перед высшим началом, это начало творится ею же. Не в материальной силе и не во внешней обстановке лежат источники и корни культуры; они таятся в глубинах личного сознания, и все великие перевороты, определяющие судьбу царств и народов и изменяющие лицо земли, питались мыслями и упованиями, родившимися в тиши уединенной работы духа». [17, с. 50].

А, что следует из этой глубокой мысли? Прежде всего, то, что «свобода личности,— по мысли Франка,— есть первое и существеннейшее условие культуры. Простор для духовного творчества, безусловное признание за каждой личностью право создавать идеал и действовать во имя его образуют принцип, непосредственно указуемой самой идеей культуры и из нее вытекающий». (с. 50). А какова в этом смысле роль самой культуры? И Франк так отвечает на этот вопрос: «... задача личности — творить культуру, озарять землю светом идеала; а задача культуры — беречь личность и обеспечить ей простор и неприкосновенность ради того, что лишь в ней живет дух горячей правдой и творящий ее на земле». [17, с. 51].

Великолепные слова! Их бы, да... нет, не богу, а нашим властным витиям не только в уши, но и в души. Представителям всех органов власти в современной России от Кремля до домоуправления в богом забытом сибирском городке есть смысл напомнить бессмертные слова Франка, что «...уважение к человеческой личности есть само продукт культурного развития: человечество лишь путем долгих усилий и героической борьбы пришло к сознанию, что в каждой личности есть нечто, что должно быть признанно священным и неприкосновенным». [17, с. 51].

Если в наше индивидуальное и общественное сознание прочно войдет мысль о том, что всякая человече-

ская личность как таковая есть абсолютная ценность, само собой родится убеждение о равноценности всех людей. Все люди, бесспорно бесконечно разнообразны и только поэтому **неравны**. Однако для нашего морального сознания равноценны, как носители того, что имеют абсолютную и беспредельную ценность.

При этом Франк подчеркивает, что равноценность всех людей «...не есть физический факт... оно не есть даже признание фактической идеальной или культурной равноценности всех людей. Никто не будет спорить, что Шекспир и Пушкин,— пишет он,— в культурном отношении выше будочника Мырцеца, что за одного Пушкина можно было бы отдать многих мырцевых и не остаться в накладе. И все же, чтобы взрастить Пушкина, мы не имели бы права убить Мырцеца. Оба они суть человеческие личности. Это есть, пожалуй, единственное, в чем они тождественны, но этого вполне достаточно, чтобы признать их морально равноценными». [17, с. 52–53].

Подводя итог своим мыслям, Франк заключает: «Человек есть святость; он не должен быть средством ни для других людей, ни для каких-либо объективных, вне его лежащих целей. Стоит только отказаться от этого начала, и нет уже более никакой остановки на пути превращения человека в средство». И, как итог, он подкрепляет сказанное образной фразой: «Для тех, кто не признает святости человеческой личности, вопрос об употреблении человеческого мяса есть в конце концов такое же дело вкуса, как вопрос об употреблении конины или поедании устриц». [17, с. 53].

В этих рассуждениях Франка менее глубоко импонирует то, что он не ставит знак **равенства** между всеми людьми, утверждая, что все люди **разные** и равноценны лишь **морально**. В его аргументации я усматриваю другой, зачастую скрытый смысл конфликта между личностью и обществом. Поясню свою мысль более подробно.

В новейшее время грандиозное смешение Добра и Зла началось со времен Французской революции, ибо, именно тогда возник патологический лозунг «Свобода, Равенство, Братство», соединивших, на мой взгляд, три совершенно несовместимых понятия. Именно с этого времени цивилизованное человечество и заболело болезнью. Алисы в зазеркалье, перестав понимать, где правда, а где кривда.

На классическую традиционную категорию свободы навесили то, к чему она никогда не имела ни какого отношения. Свобода с древнейших времен — это, прежде всего, свобода выбора, свобода в индивидуальности, в непохожести, в неповторимости, возможности пройти свой путь, Но, совершенно очевидно,

что в условиях равенства этого не может быть. Когда все равны в желаниях и возможностях, правах и обязанностях, когда все стремятся занять вашу же экологическую нишу, когда все считают вас себе ровнею и принуждают поступать так же, о какой свободе вообще может идти речь?

Следуя законам формальной логики, выходит, что Свобода — это, как раз Неравенство. Именно так и понимали свободу все традиционные общества. Это свобода быть царем, жрецом, воином. И мне трудно не согласиться с логикой московского философа В.Б. Авдеева, который утверждает, что: «...любая форма равенства искореняет свободу, равенство не терпит разных, ему нужны одинаковые, в этом его объединяющая суть, и только неравные свободны каждый по-своему». ... Свобода — это не только любить, но и свобода ненавидеть, эта свобода выбирать себе друзей и идеалы по своему усмотрению» [1, с. 76].

С братством все обстоит еще хуже. «О какой свободе, задается вопросом В.Б. Авдеев, может идти речь, когда всех дефективных гадких, извращенных и просто несимпатичных мне людей я должен считать братьями?». [1, с. 76]. Этот вопрос вполне логичен. Ну, хотя бы потому, что братья всегда имеют разный возраст, кто-то из них младше или старше, и кто-то кому-то неминуемо должен подчиняться по старшинству. Здесь также нет, и не может быть никакого равенства. А, если же это не родные братья, а двоюродные или троюродные, то они и вовсе не равны вам по крови.

Мне представляется, что, даже живя некоторое время во Франции и, преклоняясь перед мощью ее гениев в философии, науке и искусстве, написав, достаточно много трудов о проблемах конфликта личности, культуры и общества, С. Франк нигде и никогда не касался лозунга Французской революции: Свобода — Равенство и Братство, наверняка понимая всю его утопичность, понимая то, что те, кто говорит о свободе, равенстве и братстве, просто не понимают, что говорят это в привычном автоматизме, опьяненные чарами самих этих слов. В конечном же счете, все это есть лишь профанация классических ценностей.

Вместе с тем, с точки зрения Франка: «...свобода личности есть первое и существеннейшее условие культуры. ... Кто хочет культурного прогресса, тот должен хотеть и свободы личности; даже борьба против явно антикультурных идей не оправдывает нарушение свободы личности, ибо никто не призван судить, какая роль предназначена этим идеям и тому, чему суждено из них родиться в общем ходе исторического творчества... Поэтому,— заключает Франк,— задача лично-

сти — творить культуру, озарять землю светом идеала; а задача культуры — беречь личность и обеспечивать ей простор и неприкосновенность ради того, что в ней живет дух, горящий правдой и творящий ее на земле». [17, с. 50–51].

О чем свидетельствуют приводимые выше примеры? Прежде всего, о том, что идея **культуры** в известном смысле, чисто логическим путем вступает в столкновение (конфликт) с идеей **личности**. Именно «...личность,— по бесспорному выводу Франка,— и ни кто другой создает науку, искусство мораль; даже в религии, где личность часто отрицает самое себя, склоняясь перед высшим началом, это начало твориться ею же» [17, с. 50]. Поэтому и задача личности, по его мнению, «... творить культуру, озарять землю светом идеала; а задача культуры — беречь личность и обеспечить ей простор и неприкосновенность ради того, что лишь в ней живет дух, горящий правдой и творящий ее на земле». [17, с. 51].

Четверть века прошло с тех пор, как в России усилиями ее реформаторов начались перестроенные преобразования. Далеко не всегда и не во всем они привели к позитивным результатам. Много, очень много, как раз утрачено. Одна из причин такого положения, на мой взгляд, заключается как раз в том, что к реализации реформ приступили люди, которых можно назвать рафинированными прагматиками, часто без царя в голове. «Прибыль — любой ценой!» — вот их девиз вплоть до сегодняшнего дня. Если вырубать лес — то до последнего пенька. Если осушать реки, то до последней капли воды. Вспомним, хотя бы бывшее Аральское море, высушенное практически до дна или деградацию рек, впадающих в Байкал, которую автор статьи, живущий у «славного и священного моря» видит собственными глазами уже на протяжении полу века.

К сожалению, но именно на таких прагматиков работает и 11 статья Конституции Российской Федерации, которая, с одной стороны продекларировала, что «земля и ее недра, воды, растительный и животный мир является достоянием народа/ [См.: 7, с. 4] А, с другой стороны, узаконила наличие частной собственности на природные ресурсы (юридических лиц и граждан). Противоречий здесь нет. Никто же не станет отрицать, что частные лица это и есть — отдельные граждане — часть народа.

В связи с этим, трудно переоценить актуальный и до сих пор вывод Франка о том, что: «Не в материальной силе и не во внешней обстановке жизни лежат источники и корни культуры; они таятся в глубинах личного сознания, и все великие перевороты, опреде-

лявшие судьбу царств и народов и изменявшие лицо земли, питались мыслями и упованиями, родившимися в тиши уединенной работы духа». И далее Франк цитирует Ницше: «Мир неслышно вращается вокруг тех, кто открывает новые ценности». [17, с. 50].

Наблюдая тенденции развития современного мира, мира XXI века, можно сделать вывод, что человечество бредет по своему великому пути без четко и грамотно разработанного плана и всех удовлетворяющей цели. У каждого жителя Земли есть свои желания, свои задачи и свои потребности, и поэтому каждый из нас, неминуемо, приходит к столкновениям, конфликтам с другими людьми, с другими странами и народами. «И именно из этой слепой борьбы всех против всех, из этого хаотического столкновения страстей и идеалов, по мнению Франка, — складывается историческое движение». Однако делает вывод Франк: «В ком живет вера в великое общее предназначение человечества, тот не может не желать замены этого состояния разброда и анархии планомерным и разумным сотрудничеством людей. Люди должны согласиться между собою о своих целях и, раз согласившись, прямо идти вперед, не уклоняясь по сторонам, не топчась на месте

и не теряя сил на социальное трение и взаимную борьбу». [17, с. 54].

Что касается исторического предназначения России и культуры ее народов, то С. Франк без колебаний утверждает: «Страна, создавшая такие культурные светила первой величины, как Пушкин, Герцен, Тургенев, Толстой — эта страна не только не может — она **не вправе** отречься от культуры», ибо она, продолжает Франк, учит широте и терпимости... В культуре рядом живут как яркие, льющие свет и жизнь лучи, и языческая Венера и христианская Мадонна, и красота нагого тела и величие бесплотного над всякой телесностью подымающегося духа. .. Культуре принадлежит религиозное упоение, которое ощущает Бога в биении своего сердца и видит его в небесах. Но в культуру на равных правах входит и безбожье непокорной, во всем сомневающейся, все подрывающей человеческой мысли. Всякая мысль, лишь бы она была глубока и своеобразна, всякое произведение искусства, лишь бы оно было красиво, всякое моральное усилие, лишь бы оно было искреннее и творческое, всякое искание истины, красоты и правды создает культуру». [17, с. 48]. И лишь поэтому, — добавим мы, — культура создает нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев В.Б. Метафизическая антропология. — М. — «Белые альвы». — 2002, 256 с.
2. Гальперин С. В. В поисках надежды. — //культура. — 1999, 17 декабря.
3. Гапоненков А.А., Сенокосов Ю. П. Предисловие книги Семен Франк. Непрочитанное. статьи, письма, воспоминания. — М. — Московская школа полит. исследований. — 2001, 530 с.
4. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х томах. — Л. — 1991. — Т. 2. — ч. 2,615с.
5. Изюрьева И. А. Культурный конфликт в художественном творчестве. — Улан-Удэ. — ВСГАКИ. — 2008, 92 с.
6. Кувакин В. Твой рай и ад: человечность и бесчеловечность человека (философия, психология и стиль мышления гуманизма). — М. СПб. — АЛТЕЯ. — 1999, 280 с.
7. Конституция Российской Федерации. — «Ось-89». — М. — 1999, 280с.
8. Кривенко В. А. Русская поэзия «серебряного» века: приобретения и потери. — М. — «Знание», 156 с.
9. Кургузов В. Л. Гуманитарная культура: теоретическое обоснование феномена и проблемы функционирования в техническом вузе. — Улан-Удэ. — ВСГУ — 2000, 555 с.
10. Лившиц М. А. Карл Маркс. Искусство и общественные идеи. — М. — Мысль., — 1972, 325 с.
11. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии и общественной мысли. — Франкфурт. — Посев. — 1981. — т. 2, 715 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. в 20 т. — М. — 1956, Т. 13, 568 с.
13. Разлогов К. Э. Культура между прошлым и будущим. В кн: От краеведения к культурологии. — М. — РИК РАН. — 2002, 310 с.
14. Русский гуманитарный энциклопедический словарь в 3-х томах. — Т. 3. — М. — СПб. — ВЛАДОС. — 2002, 703 с.
15. Франк С. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии. — Париж, УМКА-ПРЕСС, 113 с.
16. Франк С. Письмо Л. Бинсвенгеру от 25.03.1946. — //В кн.: С. Франк. Непрочитанное. — М. — 2001, 530 с.
17. Франк С. Что такое культура. — В кн.: С. Франк. Непрочитанное—М.. — 2001, 530 с.
18. Франк С. Культура и личность. — В кн.: С. Франк. Непрочитанное. — М. 2001, 530 с.
19. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. — М. — Наука. — 1992, 516 с.